

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

В детективах Патриции Вентворт
есть все: увлекательный сюжет,
захватывающая интрига
и удивительная, типично британская
главная героиня – мисс Мод Сильвер,
элегантная и слегка эксцентричная
пожилая дама, обладающая талантом
детектива-любителя. Сама Агата
Кристи не раз признавалась:
во многом Мод Сильвер стала
образцом и прототипом для
легендарной мисс Марпл.

👉 PATRICIA 👈
WENTWORTH

.....
A MISS SILVER MYSTERY

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

.....

ВМЕШАТЕЛЬСТВО
МИСС СИЛВЕР

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
В29

Серия «Золотой век английского детектива»

Patricia Wentworth

MISS SILVER INTERVENES

Перевод с английского *Н.В. Рейн*

Компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора и
литературного агентства Andrew Nurnberg.

Вентворт, Патриция.

В29 Вмешательство мисс Сильвер : [роман] /
Патриция Вентворт ; [пер. с англ. Н.В. Рейн]. —
Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. —
(Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-095113-0

Погибла актриса варьете Карола Роланд, и полицейские считают, что ее убил капитан Джайлз Армитейдж, ведь Карола угрожала расстроить его помолвку с любимой девушкой. Но у мисс Сильвер другое мнение: детективы идут в неверном направлении и смерть Каролы не связана с затеянной ею интригой...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Patricia Wentworth, 1944

© Перевод. Н.В. Рейн, 2012

ISBN 978-5-17-095113-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Мид Андервуд проснулась словно от толчка. Что-то разбудило ее — какой-то звук — но вот какой именно, она так и не поняла. Он вернул ее к реальности из сна, где она гуляла с Джайлзом Армитейджем, — Джайлзом, которого больше не было в живых. Но во сне он был не мертвым, а теплым и живым. Они шли рука об руку и были счастливы.

Она с отвращением и горечью прислушивалась к звуку, который ее разбудил. Всего лишь раз до этого они были так близки во сне. Иногда он звал ее, и от его голоса сжималось сердце, иногда нашептывал что-то, и она не могла разобрать слов, но в этом сне не было слов — только невыразимое ощущение счастья и умиротворения.

И она проснулась. Едва они вновь обрели друг друга, как она проснулась и снова потеряла его. Она села в постели и прислушалась. Вот уже третий раз за ночь она просыпалась от этого приснившегося звука. Но кругом стояла тишина. И ей никак не удавалось вспомнить, что это был за звук. Ветер? Но ночь выдалась такая тихая. Проезжаю-

щая машина, крик совы, летучая мышь, бьющаяся в стекло?.. Там, снаружи, что-то двигалось, или этот шум доносился из квартиры наверху?.. Мид одну за другой отвергала все догадки. Машина бы ее ни за что не разбудила. И не сова то была — совсем не тот звук, ничуть не похожий на крик совы, она точно это знала. И не летучая мышь. Да где это видано, чтобы летучая мышь колотилась в оконное стекло? Половицы в старом доме толстые, сколочены на совесть и не пропускают никаких звуков ни сверху, ни из тех квартир, что расположены рядом.

Она инстинктивно обернулась к окну. Луна взошла, но ее закрывали облака. Светящийся ореол, подобный занавесу, скрывал не только луну, но и ночное небо, и деревья, растущие перед окном, — два старых вяза, реликты, сохранившиеся еще с той поры, когда границей сада служила живая изгородь, а место, где теперь стоял дом, было открытым полем. Мид подошла к окну и выглянула наружу. Старомодное окно со скользящими двойными рамами, слишком тяжелыми, чтоб открыть их без помощи шкива, было закрыто. Верхняя половина заходила за нижнюю оконную панель. И потому Мид могла смотреть на улицу только через два слоя стекла, мало того — еще и через туманную пелену за окном.

Она ухватилась за шкив и приподняла обе панели. Теперь через окно в нижней его части видно было хорошо. Но туман никуда не делся, белесый от отсвета невидимой луны, и разглядеть через него

что-либо было невозможно. Так что ничего она и на этот раз не увидела. Тихая туманная ночь, луну затянули облака, весь дом спит, только она, Мид Андервуд, бодрствует, безжалостно вырванная из счастливого сна в реальный мир, где утонувший Джайлз Армитейдж лежит где-то на дне морском.

Мысли ее были преисполнены печали и горечи. Она проснулась и разрушила сон, в котором была вместе с Джайлзом, потому что была трусихой, потому что до сих пор ее подводили нервы, — вот и сейчас она испугалась, проснулась, и разбудило ее эхо катастрофы, произошедшей три месяца назад где-то посреди Атлантики. Пора бы уже преодолеть этот страх, пора прийти в себя. Ей хотелось работать, трудиться до полного изнеможения, быть слишком занятой, чтобы слышать то, что она слышала сегодня ночью, увидеть то, что видела. Сломанные ребра зажили, рука — тоже. Но, видно, сердцу, чтобы излечиться, нужно больше времени, нежели костям. Она была готова умереть вместе с Джайлзом, но он умер в одиночестве. В больничной палате она узнала, что жизнь покинула его, а она осталась жить и теперь была предоставлена самой себе.

Так она и стояла на коленях, собирая остатки храбрости, прежде чем впасть в агонию депрессии, отталкивая ее от себя дюйм за дюймом. «Я скоро начну работать, и мне сразу станет лучше. Меня обязательно примут на хорошую работу. Сейчас я полдня занимаюсь этими посылками — все лучше, чем ничего. И все так добры ко мне, особенно тетя

Мейбл, жаль, что сама она как-то не очень мне нравится. Но она очень, очень добра. Только было бы гораздо легче, если бы я могла уехать прямо сейчас и не видеть, как все эти люди меня жалеют».

Туман охлаждал ее лицо, грудь, обнаженные руки. Давил на глаза, точно марлевая повязка. В голове звучали жалобные причитания из баллады «Мэри Гамильтон»: «И на глаза повязку мне они надели вдруг, и не смогла я видеть вновь тебя, мой милый друг». Ужасно!.. Вот что чувствовала она той ночью, когда корабль пошел ко дну и вместе с ним — ее Джайлз. Дрожь пронзила Мид с головы до пят, но она постаралась отогнать эти мысли и вскочила на ноги. Тысячу раз твердила она себе: «Я не стану оглядываться назад, я ничего не помню, не хочу помнить». Если закрыть дверь в комнату, где находится прошлое, оно не будет тебя беспокоить. Оно ушло. Все кончено, все ушло в забвение. И никто не сможет заставить начать жизнь заново, кроме тебя самой, — и ты предаешь саму себя, когда потихоньку отодвигаешь засовы, отпираешь замки и позволяешь этому врагу, прошлому, вновь подобраться к тебе. Нет, у нее в крепости нет предателей. Надо только следить за тем, надежно ли заперта дверь, и ждать, пока врагу не надоест, пока он не уберется восвояси.

Мид залезла в постель, натянула одеяло. И на нее тут же навалилась тишина ночи. Странно думать о таком большом доме, о том, как много в нем людей, и при этом не слышно ни звука, ни единого

вздоха или шелеста, ни единого намека на то, что дом этот все же обитаем.

А может, так оно и есть. Где мы находимся, когда спим? Ну, явно что не там, где неподвижно, безмолвно и бесчувственно покоятся наши тела. Где была она сама перед той прогулкой? Перед тем как они с Джайлзом...

Засов снова снят, дверь приоткрылась. Сама виновата. Не смей думать о себе! Ты не должна! Слышишь? Не должна, просто не имеешь права! Подумай хоть раз обо всех этих людях в доме, а не о себе или Джайлзе... Джайлз...

Дом... Люди...

Вандерлёр-Хаус — дом в четыре этажа и с подвалом, построенный на том месте, где некогда находились поле и проселочная дорога, в те времена, когда Лондон еще не поглотил Патни, а Патни был маленькой деревушкой. Большой квадратный дом, отрезанный от прежнего окружения, со временем превратился в многоквартирный. Некогда здесь жил и творил Вандерлёр — старый Джозеф Вандерлёр, которого прозвали английским Винтерхальтером*. Он, безусловно, превзошел этого прославленного придворного живописца, создал портреты принца Альберта, королевы Виктории и множества маленьких принцев и принцесс. Он писал портреты мистера Глэдстоуна и лорда Джо-

---

* Речь идет о Франце Ксавьере Винтерхальтере (1805—1873) — немецком живописце и литографе, создателе портретов царских особ Европы середины XIX в. — *Здесь и далее примеч. пер.*

на Рассела, он рисовал Диззи* и Пэм**, он написал совершенно замечательные портреты герцога Веллингтона и епископа Кентерберийского. Он изображал всех самых красивых дам своего времени, и на его портретах они выглядели еще красивее, чем в жизни; писал и простушек, и те выглядели весьма интересными женщинами. Человек, наделенный удивительным тактом, гостеприимный хозяин, надежный друг, человек самых либеральных взглядов, он писал и писал, и был вознагражден славой, состоянием и женой с богатым приданым.

Дом Вандерлёра посещали даже особы королевской крови. В канделябрах пылали тысячи свечей. Бальная зала была украшена пятью тысячами роз. Теперь же вместо просторных, изящно обставленных комнат появились квартиры — по две на каждом этаже. А стало быть — всего восемь, в подвале же устроили котельную центрального отопления, помещения для багажа, выделили также комнату для зрителя. Из просторной кухни уже не доносились аппетитные запахи готовящейся в огромных количествах еды, а уж сколько перемен блюд бывало на приемах, теперь и не сосчитать. Вместо этого в каждой квартире имелась своя кухонька — крохотная комнатка, куда были втиснуты раковина, электроплита и несколько поставленных впритык шкафчиков. Место роскошной

---

* Имеется в виду Бенджамин Дизраэли (1804—1881) — британский государственный деятель и писатель.

** Имеется в виду Памела Уиндем-Льюис, жена Дизраэли.

лестницы занял лифт, вокруг шахты лифта с этажа на этаж вилась узкая лестница с бетонными ступеньками, холодными, неприглядными, без ковров.

Все это было так знакомо Мид Андервуд. И она начала перебирать в уме квартиры и живущих в них людей. Все лучше, чем считать овечек в надежде наконец уснуть, да и само занятие это требовало сосредоточения. В овечках мало интересного, мысль на них как-то не задерживалась, могла с легкостью переметнуться к закрытой и запертой на засов двери. А вот люди — куда более интересные существа. Мид принялась считать и перебирать в уме всех жильцов дома.

Начать она решила с самого низа. В подвале жил старик Белл — Джеймс Белл — он же старина Джимми Белл, портье и смотритель дома. Белл занимал теплую комнатку, втиснутую между бойлером и одним из помещений, приспособленных под кладовую. Веселый, жизнерадостный старик этот Джимми Белл. Лицо напоминает сморщенное яблочко, глаза ярко-голубые. «Доброе утро, мисс, доброго вам утречка, миссис Андервуд. Да, денек сегодня выдался ясный. Так что дождь пойдет навряд ли. Очень даже может быть, что и вовсе не пойдет, и солнышко будет сиять весь день».

Квартира номер один — старая миссис Мередит, которая появлялась на улице, завернутая в шали, точно кокон, и сидела на пляжном шезлонге. Как это ужасно — быть всего лишь бесформенным свертком из шалей. Уж лучше быть несчаст-

ной, лучше быть вообще неживой, чем забыть, что это такое — жить по-настоящему. Лучше убиваться по погибшему возлюбленному, чем забыть, что такое любовь. Мид отринула эту мысль. Компаньонка миссис Мередит, мисс Крейн, подвижная, болтливая особа — большие круглые очки и пухлое бледное лицо. Служанка миссис Мередит, создание с кислым выражением лица, никогда ни с кем не разговаривает. Итак, их в этой квартире трое, и все они сейчас спят. Интересно, подумала Мид, может, миссис Мередит открыла во сне рот, и из него вывалился протез?..

Напротив — квартира номер два, там проживают миссис и мисс Лемминг. Мид жалела Агнесс Лемминг — эта жертва эгоистичной матери трудилась не покладая рук. Она не выглядела бы столь несчастной, если бы хоть чуточку думала о себе. Но не на ней, а именно на миссис Лемминг красовались обновки, голову украшал волнистый перманент. За лицом пожилая дама тоже ухаживала и до сих пор выглядела как ослепительная красотка, впрочем, вполне заслуженно — чудесные светлые волосы, красивые глаза, изумительный цвет лица. Бедняжка Агнесс, у нее такая очаровательная улыбка, но она редко улыбалась — весь день хлопотала по дому, следила за квартирой, а если и выходила, так только за покупками. «Хорошо бы ее призвали на какую-нибудь службу. Тогда бы у нее появился шанс снова стать свободным человеком, а не рабыней. Ей ведь лет тридцать пять, не больше».

Квартира номер три — здесь проживают Андервуды. В данный момент — сама Мид, тетя Мейбл и в крохотной комнатке для служанки — Айви Лорд. Дядя Годфри уехал на север. Мид любила дядю Годфри — командира авиационного отряда Андервуд, награжденного крестом «За летные боевые заслуги». Как это получилось, что он женился на тете Мейбл? Просто уму непостижимо. Они совершенно не подходили друг другу. Возможно, потому что он был застенчив и молчалив, и она избавляла его от необходимости говорить. И тем не менее они умудрились прожить вместе вот уже почти шестнадцать лет и просто души друг в друге не чаяли. Странно все же устроен этот мир.

А напротив — квартира под номером четыре, где проживает мисс Гарсайд — пожилая, немного надменная и очень достойная леди. Тут самое время процитировать тетю Мейбл: «Изображает из себя невесть что». И в самом деле, кто она такая? Ну, мисс Гарсайд — она и есть мисс Гарсайд. Из интеллигентной семьи. У нее, как однажды «заклеймила» миссис Андервуд, слишком утонченные вкусы и манеры. Фигура и идеалы равно негибачаемые. Глаза, которые смотрят как бы мимо соседей, вполне возможно, видят далекие звезды. Глядя на нее, Мид всегда казалось, что эта дама находится где-то в иных мирах. Не здесь. Интересно, где она сейчас?..

Куда как проще рассуждать о мистере и миссис Уиллард из квартиры под номером пять. Их легко представить спящими на безукоризненно

заправленных постелях — ни единой складочки на простыне или подушке. Перед сном он, разумеется, снял очки, но в целом выглядит теперь так же, как и во время бодрствования, — подтянутым и аккуратным даже в пижаме, волосы лежат безукоризненно, противогаз всегда под рукой. Из всех людей, живущих в доме, его труднее всего представить видящим сны. Неужели состоящий на государственной службе мистер Уиллард никогда не сбегает от реальности? А может, просто не хочет, ни разу не испытывал ни малейшего желания?

Миссис Уиллард лежит точно в такой же кровати, что и муж, их разделяет только тумбочка. Днем обе кровати застланы розовыми шелковыми покрывалами с вышитым на них пугающим рисунком из громадных пурпурных и синих цветов. Даже опытному садовнику трудно представить, что такие могут вдруг расцвести на клумбе, разве что в кошмарном сне. Теперь же, ночью, покрывала сняты, аккуратно сложены и убраны. Мистер Уиллард не преминет позаботиться и об этом.

Миссис Уиллард довольно неряшлива. Ее густые, всегда растрепанные волосы как-то неожиданно перестали быть каштановыми, но и совсем седыми назвать их тоже нельзя. У нее лондонский акцент, и носит она совершенно чудовищные наряды, но при этом умудряется быть женщиной в целом славной. Она называет тебя «дорогушей», и ты почему-то миришься с этим. Интересно, где она путешествует и обитает в своих снах? Мид почему-то казалось, что это, должно быть, некое

подобие детской с целой толпой шумных и веселых ребятишек — один еще совсем маленький в люльке, близнецы в одинаковых комбинезончиках, вот врываются перепачканные с головы до пят первоклассники, а вот девочка с длинной светлой косой... Но у миссис Уиллард нет детей и никогда не было. Бедная миссис Уиллард.

Напротив, в квартире номер шесть живет мистер Дрейк. А может, и нет. Он часто приходит домой очень поздно, позднее, чем сейчас. Мид не раз слышала, как он подходит к двери дома по гравийной дорожке. Интересно, где он разгуливает в данный момент, может, все-таки во сне? И вообще, на что они похожи, сны мистера Дрейка? Странноватая внешность у этого человека — черные, как у Мефистофеля, брови и очень густые, стального оттенка волосы. Что он делал и где бродил, когда его не было дома, — об этом, похоже, никто не знал. Он был всегда очень вежлив при встрече в лифте, но дальше дежурного обмена любезностями никогда не заходил. По мнению миссис Уиллард, этот господин был снедаем какой-то тайной печалью.

И вот самый верхний этаж. Квартира под номером семь заперта. Спунеры уехали. Мистер Спунер, оторванный от своего склада шерсти, полный и низенький, выглядел забавно в шортах и рубашке цвета хаки, но был, как всегда, весел, оживлен и, как всегда, без умолку говорил о своей «маленькой женщине». Миссис Спунер, вечно в каких-то девичьих нарядах, всегда молодящаяся, прихора-